

Сингулярный гриб

Школьное сочинение

*Три вещи в мире в особенности гадки:
Безмозглый шах, скупой богач,
Ученый муж, на деньги падкий.
Алишер Навои*

Я Санька Струков. Мне пятнадцать лет и живу я в Клоповке.

Батя говорит, что фамилия наша произошла от слова «струг» – так называлась большая лодка, на которых казаки ходили водными путями, потому как других дорог не было, от Яика до Амура. А мастеров, которые делали струги, так и прозывали – Струк. Вот мы теперь от того Струка и остались Струковы.

Клоповка – это кусочек города у железнодорожного моста. Почему Клоповка, а не Муховка или Таракановка, я не знаю. Да и мне всё равно. Раньше Клоповка была – о-го-го! А сейчас осталось шесть двухэтажных барачков, да сараи возле них. Всё поносили...

Батя говорит, что нынешнее лето для меня – последние на всю катушку каникулы. Таких уже никогда, до самой пенсии, больше не будет. Потому, что после девятого класса экзамены, а там уже станет видно, учиться мне дальше или идти в бригаду ПЧ шпалы тягать. Вы знаете, сколько весит длинная шпала, что под стрелку идёт? Да вам лучше и не знать. А батя её легко на плече переносит. Да, совсем забыл: батя мой в ПЧ бригадирит. Батя говорит, что ПЧ, путевая часть, на дороге есть наиглавнейшее подразделение. Не будет исправного пути, и встанет всё: и скорые, и товарняки и наливные, – в общем, всё. Но и шпалы тягать, а они тяжёлые, не пробовали? То-то! И я не хочу. Да и батя тоже не хочет. Я хоть и с батю ростом, но вес у меня бараний – дрищ, в общем. Батя говорит, были б кости, а мясо нарастёт. Нарастёт... Когда ещё нарастёт? Батя говорит, что всю свою жизнь положил на то, чтоб его сын в инженеры вышел. А инженеры шпалы не тягают. Учусь я, правда, средне, то есть почти без троек. Нет, не подумайте, что не могу. Ещё как могу, если захочу. Вот хочу только не всегда...

Знаете, у меня есть странность, которая бывает редко. Я не люблю смотреть телик. Нет, не то, чтобы вовсе не смотрю; когда мультики старые, хорошие, или о природе – присяду к мамке не надолго... А всё остальное, особенно новости, где не говорят, а только по ушам гавкают – ухожу сразу. Всё равно наутро в голове ничего не остаётся. Вы меня спросите, а что же я делаю? Читаю. Читаю много. Мне батя даже журналы выписывает: «Наука и жизнь» и «Техника – молодежи». Хорошие журналы. Батя когда приходит с полочки поддатый, всегда спрашивает, что я там вычитал. Он вообще меня воспитывает два раза в месяц – в аванс и с полочки. Он говорит, если мы с мамкой начнем прятаться, то нам после хуже будет. Да мы уже и не прячемся. Ждем. До прошлого

года батя мне ещё «Юный техник» выписывал, а нынче – нет. Пора, говорит, к серьёзной жизни приобщаться.

А еще у меня уже два года, как свой ноутбук с Интернетом, принтером и всякими наворотами... Вот я по всяким сайтам и юзаю. Батя только в порно ходить запрещает, говорит, если узнает – оторвет мужское достоинство, и тогда всякий интерес сам собой пропадет. Но, если честно, там и без порно столько всего, что за уши не оттащишь...

Вот и влез я однажды на страничку «Большой Взрыв Вселенной». Интересно, аж жуть берет. Особенно, когда в первые секунды Вселенная была в сингулярном состоянии, когда не было длины, массы и времени. Спрашиваю у бати, а он говорит, что в этой теме слабоват и спросить надо будет у нашего соседа по даче профессора Дракона. Ну, думаю, спрошу. Хотя знаю, что батя его недолюбливает, говорит, что с такой фамилией надо бы чертям хвосты крутить, а не студентов философии учить. Однако выбора у меня нет. Изо всех моих знакомых профессор только Драконя.

Ну, выпас я его. А мамка мне советует, чтоб я к Драконе шел, когда он после обеда выпится. На даче он всегда после обеда спит.

Подхожу к штакетнику:

– Здравствуйте, Эраст Егорович!

А он гудит таким рокотливым баритоном удивленно:

– Добрый день, юноша! Чем обязан?

В общем, сели мы у него под грибочком и я ему про свой сингулярный гвоздь в голове всё и рассказал. Мол, всё мне понятно, как Вселенная после Большого Взрыва всё расширяется и расширяется, а вот что было до взрыва и в самом-самом начале – не понятно! Как можно говорить о нескольких секундах в самом начале Большого Взрыва, если сама Вселенная находится в каком-то сингулярном состоянии, где нет длины, массы и времени? Если нет времени, то как понять «несколько секунд» и «когда»?

Драконя, скажу вам откровенно, мужик авторитетный. Выше меня ростом, толще раза в три, борода рыжая до глаз, со лба лысина... Потом от него воняет, не моется он, что-ли? Глаза навывкат, на месте не стоят, так и зыркают... На мой вопрос он помолчал немного, а потом спрашивает:

– Насколько я понимаю, юноша, математическим аппаратом ты владеешь недостаточно совершенно?

– Точно! Владею совершенно недостаточно. А точнее – вообще никак не владею. Мне бы популярно, в трех словах... Как из того, что не имеет длины, массы и времени – из Ничего вдруг образовались материя, пространство, да ещё и сознание?

Профессор целую минуту, наверное, таращился на меня и жевал чего-то в себе. Потом говорит:

– Сингулярное состояние? Я легко покажу тебе образно, математики здесь не требуется.

Он закрутил как попало всеми пальцами рук, соорудил зверскую морду, закричал и выпучил глаза. Через губы трубочкой медленно и с натугой начал будто бы выдувать из себя что-то, вроде пузыря из жевательной резинки, должного обязательно лопнуть.

Ничего не выдулось и не лопнуло.

Но у меня вдруг что-то торкнуло в голове: «Он, этот профессор, просто балбес! И правильно, что батя его недолюбливает!»

Надо было убегать из беседки, но, если честно сказать, я побоялся его покрасневшей от напряжения рожи: «Треснет сейчас в лоб – и дух из меня вон! А будет ему за это что или не будет, для меня, дохлого, разницы потом никакой...» Вот и остался...

– Теперь понятно?

– Приблизительно, Эраст Егорович, спасибо!

– Пожалуйста. И добрый тебе, юноша, напоследок совет. Если хочешь доносить свою голову до старости, не задавай больше этот вопрос никому. Всегда помни, что язык не должен работать быстрее мысли в голове. Понятно?

– Понятно, Эраст Егорович, – и в калитку, покуда цел. А сам злюсь: «Подумаешь, напугал... Кого пугать?» Вы знаете, как живот сам, своим голосом, от страха кричит, когда к нему нож приставлен? Да вам лучше и не знать. Противно кричит. Если б этот Драконя попался ночью нашим братанам в Клоповке, то про свой баритон точно бы забыл и до конца жизни верещал бы тенором... Пусть студентов своих двойками страшит... Руку напоследок пожал. А ладонь у него вялая, потная и холодная. Как лягушечья лапа. Пока до себя шел, руку раза три об штаны вытирал и всё равно пришлось с мылом мыть.

Батя спрашивает:

– Как?

– Балбес он, хоть и профессор...

– Я тоже так думаю. У нас таких, по пьянке сделанных, половина Клоповки. Им вначале нужно нос расквасить, а потом только разговоры говорить. Иначе не поймут.

Бате-то что... У него ладонь – чуть поменьше совковой лопаты. Вы знаете, сколько весит магистральный рельс? Да вам лучше и не знать... А батя его за один конец легко поднимает. Потому в Клоповке его все слушаются. А я где?

Весь вечер, как вернулись с дачи, провалялся на кровати мордой к стенке. На душе муторно, будто дерьма наелся. Вы знаете, какой вкус у души с дерьмом? Да вам лучше и знать. Противный вкус... И было так, покуда мысль не пришла: «У меня же есть классный друг – дядя Сёма! Уж он-то меня точно выручит!»

Семён Семёныч Гольдман живет на втором этаже в бараке напротив нашего. Батя его уважает. Кабы не Семён Семёныч, говорит, у нас в Клоповке половина мужиков перемёрло бы от беспохмелки. Вот так!

До пенсии Семён Семёныч тоже работал на дороге. В комбинате питания. «Очень важная работа, – говорит он, – А как же? Каждый день по дороге едут тысячи людей и все хотят кушать! И кушать хотят правильно! Если кто-то покушает неправильно и его за это снимут с поезда в медпункт, то потом обязательно придут за мной и начнут спрашивать, почему этот человек кушал неправильно? А оно мне надо? Я всегда старался, чтобы люди кушали правильно!» С родителями он приехал в наш город во время войны в эвакуацию, но так и остался здесь. Маленький, сутулый, со скрипучим голо-

сом, с блестящими темными глазами и блестящей лысиной над белыми волосами венчиком, ко мне он относится хорошо. Причём со всеми, на улице, он говорит, как все, и руками делает так же, как наши, клоповские. А когда мы остаемся вдвоем – говорит и руками делает, будто бы я вместе с ним приехал из его далёкого запада. «За сшчто я тебя люблю, Сашя? За то, сшчто я тебе самый доверенный человек! Ещё никто, за кого ты просил, не обманул меня. Это дорогого стоит!»

Ну и что с того, если мужики поутру берут у дяди Сёмы чекушку, а с полочки приносят две? Никто ж не заставляет. Не берите! Да и сам он настолько убежден в правильности своего поведения, что под это имеет даже свою теорию: «Сашя, если не иметь процент с того, что даёшь займы, никакого сшчества не будет! А жить сшчательно, Сашя, это значит хорошо сшчитать свой гешефт. А сшчитать можно только то, сшчто хорошо сшчитается. А если есть сшчто-то, сшчто нельзя посшчитать, это очень плохо.» Я его спрашиваю: «Вы же не бедный человек, дядя Сёма, почему же вы не купите себе квартиру в достойном месте?» «Сашя, – отвечает он, – Если я отсюда уеду в другое место, ко мне никто не будет ходить, и где будет моё сшчество?»

На мой вопрос о сингулярном состоянии Вселенной дядя Сёма ответил просто и быстро:

– Сашя, не дури себе голову! Большой Взрыв придумали умные люди, сшчтобы вечную и бесконечную Вселенную переделать и сделать её невечной и небесконечной. Сшчитаемой! Сшчтобы у Вселенной было начало. А у всего, где есть начало, таки найдется и конец!

– Зачем?

– Затем, Сашя, сшчто всё, к чему прикасается ростовщик, превращается в золото. Это так. Когда ты помогаешь мне, ты помогаешь всем нам, которые делают планету золотой. Но если ты скажешь, сшчто золото нельзя кушать, и это так. И ты скажешь, сшчто когда вся Земля превратится в золото и пустыню, всем людям будет нечего кушать. И это так. Но тогда все души правильных людей сольются в шестьсот тысяч правильных душ и будут вечно летать над Землей в блаженстве! Там не надо кушать!

– Но вы же сказали, что у Вселенной, а значит и у Земли, должен быть конец. Над чем тогда будут летать правильные души?

– Сашя, но я тебе уже сказал, сшчто Большой Взрыв придумали специально, сшчтоб Вселенную можно было посшчитать! А вся Земля из золота – это же так сладко!

Сладко, сладко... Я пробовал лизать мамкину цепочку из золота – никакой там сладости нет.

– А у неправильных людей, выходит, нет никаких шансов получить своё будущее?

– Ну как же, Сашя, шанес есть всегда... Но шанес – как любимая девушка, за него нужно бороться. Мы свой шанес купили. Купили вместе с теми, кто могли бы сшчто-то изменить. Уже теперь не изменят!

Что-то очень уж неприятное послышалось мне в словах дяди Сёмы:

– Ну да, посчитать Вселенную, чтоб потом её прикончить? Какая-то придумка у ваших умных людей... Не нравится она мне! А я, дядя Сёма, правильный человек?

Тут Семён Семёныч насторожился. Поднял кверху указательный палец, глаза его, увиливая от прямого ответа, загорелись темным огнем:

– Человек, Саша, должен думать то, сшчто в него вложено образованием и воспитанием! Он должен думать правильно!

– А если человек начнет думать больше?

– Ну, немножечко... А если совсем начнет думать... Тогда его нужно немножечко убивать!

– За что убивать?

– За то, сшчто кто много думает, тот должен мало говорить, Саша!

«Ну, дела... И этот страшает... Сговорились они с Драконей, что-ли?» Пойду, говорю, дядя Сёма. А он как-то странно-ласково в глаза мне глянул:

– Иди, Саша!

И руку мне между лопаток приложил. Ладонь теплая, а в груди у меня будто жаба ворохнулась, холодная, скользкая такая...

...Весь день, до самого вечера, просидел за компьютером, пасьянсы раскладывал. Сидел и злился. Вы знаете, как голова трещит от злости? Да вам лучше и не знать. Противно трещит... Карты перекидываю, а в голове серая мысляка грозовой тучей ворочается: «На какую такую уж запретную тему я наступил? И почему за её обсуждение меня обязательно должны прикончить?» Самое интересное, что страха не было. Но любопытство разгорелось такое, что в висках начало тукать. И дотукало: «Даниил Андреевич!»

Леонов Даниил Андреевич живёт на самом краю Клоповки, за мелькомбинатом, где круча горы переходит в отвесную скалу над рекой. Тупичок хорош тем, что дальше ни дороги, ни тропы уже нет. Крохотный домишко его, как он сам называет его «моя берлога», задней стеной упирается в кручу, а передняя стена стоит на высоком каменном фундаменте. Забора у него нет. Да и зачем? С двух сторон крутая гора, снизу, под обрывом, – река, а тропинку, шириной в полметра, надёжно охраняет сидящий на цепи пёс Пират.

С Даниилом Андреевичем я познакомился на почте, куда хожу получать свои журналы, а он – пенсию. Очередь-то в окошечко одна... Он, когда увидел мои журналы, первым разговорил меня и пригласил к себе в гости. Высокий, костистый, с седыми, зачёсанными назад волосами и насквозь пронизывающим взглядом голубых глаз, он сам по себе привлекает, но интереснее всего с ним разговаривать. Батя говорит, что дед Леонов занимал какую-то научную должность, но полжизни откатался по лагерям из-за неслрастухек с властью. Потому и живёт сейчас отшельником. А Семён Семёныч его вообще терпеть ненавидит, говорит про него, что в каждой деревне – свой дурак. На мой вопрос «почему», объясняет: «Если он такой умный, то почему такой бедный?» А живёт Даниил Андреевич, действительно, бедно. Настолько, что я даже стесняюсь к нему ходить в гости. Он всегда угощает меня чаем с карамельками. Как их есть, эти конфеты, если он сам на вид всё время голодный? Хотя, компьютер с Интернетом у него стоит на столе. Продвинутый дед...

– Что такое сингулярное состояние Вселенной? Ха-ха-ха, ха-ха-ха!

Смотрит на меня своими синими глазами и смеётся, аж плачет. А чего я такого смешного спросил? Потом, когда он успокоился и слёзы вытер, я ему про всё и рассказал: и про Драконю, и про дядю Сёму, и про то, что оба пригрозили меня грохнуть...

– И вы, Саня, всерьёз поверили этому Гольдману, что древние идеологи решили переделать вечную и бесконечную Вселенную в конечную и невечную? Считаемую? Ничуть! Они были не глупее нас с вами. Они решили переделать то, что им было по силам и деньгам – они решили переделать мировоззрение людей планеты. Как? Пришлось постараться. И чего только для этого ни изобрели: материализм с его случайным возникновением жизни, человека, произошедшего от обезьяны, Большой Взрыв Вселенной, теорию относительности, квантовую теорию, первичный бозон, теорию суперструн. Нынче вытащили на сцену теорию больших чисел. И зачем вы думаете, Саня, вся эта антидуховная армия? Ответ на поверхности: только лишь для того, чтобы человек не искал причину своего бытия – зачем он здесь, на этой удивительно красивой планете с названием Земля и не мешал достижению их цели – общепланетного господства.

– Так эти теории, оказывается, всё – враньё?

– Что-то – всё, а что-то – отчасти... Представьте себе, Саня, что мы находимся в зале, на огромной стене которого кем-то нарисована самодвижущаяся мультяшная картина. Она называется «Мир». Люди смотрят на неё и думают, что это и есть мир. Но в центре картины, куда можно добраться только по лестнице, находится небольшое, малозаметное снизу окно. Оно называется «окно Божественной причинности». За этим чудесным окном и находится то, что называется «Мир жизни живой». Смотрящему в него становится видно, почему пчела строит соты, почему синица вьёт гнездо, а суслик роет нору и многое-многое другое. Там станет видно Того, Кто их сотворил и научил творить маленькое своё. А главное, там станет видно, зачем, для чего, создан сам человек. Туда можно заглянуть, если сильно захотеть... Только вначале нужно найти лестницу и собрать в себе силы, чтоб добраться до окна...

Видите-ли, Саня, все учёные-материалисты по сути являются патологоанатомами, вивисекторами Вселенной. Они не замечают Дух Вселенной, того, что Она жива. Дух – именно то, чем отличается живой человек от мёртвого. Но если врач смотрит на больного только с позиции анатомии – чему его в основном и учили, то мы будем иметь дело с врачом-недоучкой.

– И всё?

– Практически, всё. Беда в том, что все объяснения, затрагивающие области Духа, сразу же получают клеймо мистики, суеверия, мракобесия или ещё что-нибудь из этого ряда.

Все материалистические теории исследуют или фиксируют лишь внешние проявления, доступные органам чувств человека. И только через окно Божественной причинности можно увидеть больше, чем дано человеку в ощущениях. Но ты должен увидеть сам. Потому что, сколько на свете людей, столько и Путь к Создателю Вселенной. У каждого человека – свой Путь духовного делания. Если же будешь пользоваться рассказами других, то снова увидишь мультяшную картинку, от которого убежал.

– А духовность – это как?

– Духовный человек имеет чуткий слух к голосу совести, зоркую, далеко видящую интуицию, разум, принимающий открытия...

– Даниил Андреевич, а почему вы об это никому не рассказываете?

– Ну что вы, Саня! Я пытался было... Плохо всё кончилось. Потому что наука, а она вся построена на материалистических принципах, в том числе и на Большом Взрыве Вселенной, она Творца и духовность человека в упор видеть не хочет. И всё, что ей мешает, она уничтожает. Уничтожает беспощадно!

– А меня Драконя и Семён Семёныч поэтому и стращали?

– Поэтому, Саня. Поэтому и я вам совету: пожалуйста, будьте осторожны! Причина и беда всему – алчность. Она безжалостна.

Один мой знакомый, моряк рыболовного флота, как-то рассказывал: в кошель с промысловой рыбой попала здоровенная акула. Шутники распоролы ей брюхо, а она долго, пока не сдохла, всё глотала и глотала рыбу, которая тут же из неё вываливалась.

Тот же Сеня Гольдман: опутал, как паук, своими кредитами всю Клоповку, братаны ему долги вышибают... а зачем? Жены нет, детей нет, да вообще близкой родни, насколько я знаю, нет. Не для кого копить, и в гроб ему деньги не положат. Уж до смертинки, как говорится, две пердинки... Зачем ему деньги? Спроси – так он тебя же дураком обзовет... Так же можно было спросить у акулы с её распоротым брюхом.

Алчность ничем ни объяснить, ни оправдать нельзя. Именно алчность, бросившая вызов Промыслу Творца, поставила человечество на грань самоуничтожения.

Планета из золота – то, чего в реальности быть не может, однако спроси у банкираростовщика, желает ли он прекратить своё грязное дело? Я сам за него отвечу – не желает! Но ведь ссудный процент, доведённый до абсурда, будет означать конец всему! Где же та грань, за которую переступать нельзя? Как узнать, высчитать, что за следующим шагом, отжимом у арендатора процентных денег, наступит судный день – пропасть? Рассчитать можно только то, что считаемо. Вот для чего и придумали Большой Взрыв, с началом и, соответственно, концом жизни Вселенной. Дело за малым: заставить всех людей поверить в эту чепуху.

Поэтому, Саня, все проявления атеизма в науке есть не более, чем проявления глупости.

Помолчал, что-то передумывая:

– И поверьте мне на слово, Саня. Глупость в науке далеко не так безобидна, как она может показаться на первый взгляд.

– Как балбес Драконя?

– Согласен, балбес. Их, таких профессоров-балбесов, полно. Они понимают главную свою задачу – прилежно петь в научном хоре, часто даже не понимая слов, которые поют. А им за это – пожизненное содержание и показушный почёт. Горько смотреть...

Люди перестали понимать главное: зачаток каждого животного и растения, живущего на планете, живёт и в человеке. В воле человека развить и овеществить в себе любого из них. Но в человеке есть то, чего нет ни в каком животном – зачаток Бога. Если же человек развивает в себе алчность акулы, то он и становится акулой, балбесом, не желающим даже думать о своём предназначении в этом мире и о последствиях своего поведения.

А тех, кто, сдерживаемый совестью, не пожелал стать акулой, акулья власть заставляет надеть смирительную рубашку на свой дух, своё «я» и убивать в себе зачаток Бога, духовность, быть «как все» – питательной средой, кормом для акул.

Когда вы, Саня, начнете думать дальше собственного носа, вы поймете, что объединительная сила, фундамент любой политической системы, в конце концов, есть объяснение причинности бытия человека. Ошибочно заложенный фундамент обязательно приведет к разрушению всей системы. А практика, по словам древних, – это критерий истины...

– Как деньги?

– Да, Саня, алчность может объединить лишь банду воров и грабителей, на большее она не способна.

Для порабощения народов планеты годится только материалистическая идеология ссудного процента. Но Творец, создавая человека по образу и подобию своему для самоповторения и продолжения Себя в Вечности, не попустит гибели Земли от рук акульей власти, ростовщиков и грабителей. Не для того Он её создавал. Как это произойдёт? Я не знаю, в небесных иерархиях не разбираюсь, не бывал я там.

Но убеждён точно: человека, осознающего причинность своего бытия, деньгами победить невозможно. Ведь деньги придуманы для человека, а не наоборот. Знания и убеждённость в своей правоте настолько укрепляют силу духа и силу воли человека, что деньги сами пойдут ему в услужение. Что и должно быть...

А шестьсот тысяч душ, блаженствующих над загаженной и опалённой для добычи золота планетой – это выдумка акульей власти для самооправдания бездуховных преступников, их вариант конца света. А заодно и приманка в западню для тех, кто ищет и сомневается.

– Так что же делать, Даниил Андреевич? Ну, не хочу я быть едой для акул и акулой быть не хочу!

– Что делать? Думайте, Саня... Уже одно то, что вы теперь знаете причину всех наших бед, по сути, значит очень много. Как говорят врачи, правильно поставленный диагноз – это гарантия выздоровления.

Помолчал и прищурился на меня, аж мурашки по спине побежали:

– Осмысленный взор на мир через окно Божественной причинности – это и есть истинное мировоззрение. Многомерная и всеохватная, что означает «всё и сразу», система образных представлений человека о Вселенной и своём месте в ней. Понимание, что человек создан Творцом для самоповторения, продолжения Себя в Вечности и Бесконечности. Истина, которая и есть основа всему. Вот что стоит по другую сторону линии фронта с Большим Взрывом. Человек, ясно и чётко видящий цель, поставленную перед ним Творцом, обязательно её достигнет! Ведь ясность поставленной цели – есть главное условие достижения победы. Удачи, вам, Саня!

...Домой я не шёл, – летел, не чуя под собой земли. Грудь распирало восхитительное чувство, а клубок мыслей, которыми загрузил голову Даниил Андреевич, словно сорвался с горы и, наматывая на себя ещё что-то новое, становился всё больше. Вот она – моя сингулярность! И не надо мне больше врать! Такое счастье – миг истины человек, наверное, может испытать только раз в жизни. Душа на непонятном языке пела торже-

ствующий гимн. Там, за окном Божественной причинности, в гармонии Живой Природы, обитал Разум Вселенной!

Вы знаете, как от счастья и радости поёт душа? Теперь будете знать. Я с вами делюсь своим счастьем и своей радостью! Бесплатно и без процентов!

...Ночью, уже на рассвете, разбудил страшный грохот. За окном – жуткая картина: из-за реки, с правого берега, громадным катком напозала стена из дыма, пыли, вырванных с корнем деревьев, каких-то досок и железных листов. Позади поднимался, почти до неба, гриб атомного взрыва. А над ним парит, торжествующе раскинув чёрные крылья, гигантская летучая мышь с головой Дракони. Глаза выпучил и визжит на меня оглушительно, будто ткнули его ножиком, только не в живот, а чуть пониже спины:

– А-а-а, юноша! Советовал тебе не лезть не в своё дело! Теперь ты видиш-ш-шь, что такое сингулярный гриб? Ещё две секунды и ты его почувствуешь! Сейчас-с-с ! Твоё время кончится!

Сел. Протёр глаза. Тишина, никакого грохота. Будильник тикает на тумбочке. «Тьфу, ты, мерзость! Теперь я всё знаю про вашу сингулярность! Приснитися же!» И повалился на подушку досыпать дальше.

Николай Подгурский,
июль 2016, г. Красноярск